

В тайной комнате были заперты два зверя. Состояние Цзян Шаочжи было неотличимо от состояния свирепого хищника. Его огненные глаза были затуманены алой пеленой крови. Рядом валялось с десяток опустошенных флаконов из-под ингибиторов. В тот момент, когда дверь открылась, и луч света осветил помещение, Тун Цинхэ, прижимая свою маленькую сумку, появился на пороге:

— Дя...

Со скоростью, не оставляющей времени на реакцию, в мгновение ока Цзян Шаочжи почти вздернул Тун Цинхэ на руки. Тот оказался прижат к холодной стене, а его лицо обдало горячее, обжигающее дыхание, подобное пламени, даже пылающее.

Цюн-ци начинал буйствовать. Цзян Шаочжи изо всех сил сдерживал свой ментальный облик. Маленький Омега, подобный изысканному пирожному, из-за чрезмерного напряжения непроизвольно испускал тонкий аромат феромонов.

Сладкий жасминовый запах оказывал на Альфу успокаивающее действие, но одновременно и подталкивал его, находящегося на краю гона, к более сильному влечению.

Насыщенный сандал заполнил всю герметичную комнату. Холодная температура в помещении начала повышаться. Нежный жасминовый аромат был неизбежен; он почти тонул в феромонах сандала, отчего Тун Цинхэ не мог открыть глаза.

Внезапно в носу стало горячо. Маленький Омега дотронулся до носа, и две тонкие струйки алой крови не выдержали и потекли вниз. От слишком сильного возбуждения из его глаз тоже хлынул безудержный поток слез.

Тун Цинхэ дышал учащенно, его сердцебиение превышало норму. Он чувствовал, что еще ничего не произошло, а он вот-вот умрет от руки Цзян Шаочжи.

Самое главное, что Цзян Шаочжи еще ничего не сделал.

— Я... я умру? — пробормотал он.

Альфа, прижимавший его к стене, только сейчас подал голос, процеживая сквозь зубы:

— Ты и вправду потерял всякую осторожность.

Цзян Шаочжи сильно потер уголки глаз маленького Омegi. На его шершавых пальцах выступил пот, делая глаза Омegi все более влажными, сияющими влагой. Пальцы были пропитаны запахом феромонов. Сандал проникал в ноздри, заставляя маленького Омegu дрожать всем телом.

Ему было некомфортно, когда Цзян Шаочжи держал его на весу. Он слегка дернул повисшими в воздухе ногами, и Альфа быстро опустил его, поставив обе его ступни на свои.

Цзян Шаочжи отвел руку, которой прижимал Тун Цинхэ, и, нащупав его железу, с силой притянул Омегу всем телом к себе.

Ментальный облик Цюн-ци буйствовал. Цзян Шаочжи закрыл глаза. Железа маленького Омеги была плотно закрыта защитным кольцом, которое невозможно открыть без пароля.

В своем нынешнем состоянии Цзян Шаочжи мог бы силой уничтожить кольцо, но это неизбежно повредило бы его маленького Омегу. Он не хотел свернуть ему шею.

Напряженные мышцы челюсти Цзян Шаочжи подергивались от сдерживаемого желания:

— Какой пароль?

Альфа в состоянии гона почти лишен рассудка. Они больше, чем Омеги, поклоняются физическим и психологическим потребностям, готовы применять силу и средства для достижения желаемого и не приемлют никаких компромиссов.

Тот факт, что Тун Цинхэ сам пришел в тайную комнату, несомненно, говорил Цзян Шаочжи, что он согласен быть помеченным.

Тун Цинхэ открыл заплаканные ресницы. Его воля висела на грани срыва. Наконец, он с трудом взял себя в руки и покачал головой:

— Не скажу. — Если я скажу, он тут же меня пометит.

Хотя он и был готов к метке, но из-за того, что он не достиг совершеннолетия, ради их будущего, он считал, что необходимо придерживаться установленных правил.

Как только он произнес это, Цзян Шаочжи слегка надавил пальцами на кольцо, закрывающее железу. Тун Цинхэ втянул воздух.

Вены на шее Цзян Шаочжи отчетливо вздулись. Его пальцы почувствовали влагу. Маленького Омегу пока нельзя было метить, и он носил защитное кольцо на шее. Но даже так, излишне юный Омега, подверженный столь сильному возбуждению со стороны Альфы, преждевременно созрел, и из железа медленно просачивался ароматный жасминовый феромон.

Концентрированный жасминовый аромат проник во все открытые поры Цзян Шаочжи, вызывая у него невероятное наслаждение.

Цзян Шаочжи быстро развернул Тун Цинхэ. Длинная, тонкая шея была плотно закрыта защитным кольцом. Он уставился на место под кольцом, его кадык двигался, он много раз сглотнул:

— Скажешь пароль или нет?

Кончики ушей Тун Цинхэ были на грани того, чтобы кровоточить. Он стучал зубами, дрожа, и мотал головой:

— Не скажу, не скажу.

Цзян Шаочжи медленно выдохнул:

— Тогда зачем ты пришел? Ты хочешь моей смерти?

На носу маленького Омеги осталась кровь, глаза были влажными, он выглядел таким жалким. Чем более жалким он выглядел, тем больше Альфа не мог сдержаться и тянулся к нему.

Цзян Шаочжи дотронулся до пятна крови на коже Тун Цинхэ и попробовал его. Тун Цинхэ растерялся от поступка Цзян Шаочжи, пока тот не приблизился и не очистил губами кровь вокруг его носогубной складки, крупца за крупцей.

Слезы Тун Цинхэ лились безудержно. Он и не подозревал, что Альфа-дядя захочет слизать его кровь из носа.

Альфа полностью отпустил себя. Феромоны, которые больше не нужно было сдерживать, плотно обволакивали маленького Омегу. Сандал окутал его, проникая в каждый уголок: от кончиков пальцев до волос, словно огромная, невидимая сеть, крепко опутавшая маленького Омегу.

— Страшно? — тихо спросил Цзян Шаочжи низким голосом. Все, что принадлежало маленькому Омеге, он желал получить.

Тун Цинхэ приоткрыл глаза, кончиками пальцев коснулся пульсирующей вены на лбу Альфы, стыдливо, но смело:

— Нет, я пришел, чтобы спасти тебя.

Альфа может пережить гон и без метки Омеги. Единственный способ — это завязывание узла.

Завязывание узла требует не только физической близости, но и ментального вторжения и

утешения от Омеги. Тун Цинхэ никогда не пробовал ментального вторжения. Он повернулся к Цзян Шаочжи, слегка коснулся его губ. Их лица почти соприкасались, их дыхание смешивалось, жаркое. Слегка заметный кадык двинулся, и он произнес тихим, хриплым голосом:

— Дядя, я помогу тебе завязать узел.

Тело Цзян Шаочжи мгновенно напряглось, словно сталь, которая несколько раз прокатилась в огне.

Он прорычал два слова:

— Завязать... узел.

Альфа сам не мог этого сделать. Завязывание узла без метки Омеги могло заставить Омегу содрать с себя кожу.

Краем глаза Цзян Шаочжи взглянул на обезумевшего Цюн-ци, запертого в клетке. Он поднял Тун Цинхэ на руки и, нажав кодовый переключатель на стене, открыл проход в другую тайную комнату.

Кондиционер был включен на максимум, но температура тела Цзян Шаочжи продолжала расти. Тун Цинхэ словно оказался в объятиях льда и огня. Его маленькая сумка упала на пол:

— Моя сумка...

Цзян Шаочжи почти наступил на рюкзак. Рюкзак был так же жалок, как и его владелец. Цзян Шаочжи крепче сжал руку маленького Омеги, подчеркивая интонацией:

— Сначала помоги мне завязать узел.

Альфа подхватил попавшийся под руку табурет и усадил маленького Омегу. Он смотрел на своего Омегу сверху вниз. Густой пот на его лбу стекал и попадал в глаза Омеге.

Жасминовый аромат разлился по всей комнате, смешиваясь с сандалом. В остром, терпком сандале смутно чувствовался слабый горьковато-рыбный запах, полностью заглушающий жасмин.

Тун Цинхэ впервые выпустил свое ментальное поле и неуклюже, но нежно вторгся в открытое ментальное поле Цзян Шаочжи. То он беспорядочно метался, то останавливался и медленно приглаживал бушующее сознание Альфы.

Альфы, которые избегали базы в течение двух дней, обсуждали в тренировочном зале:

— Прошло два дня, как думаете, он справится?

— Не знаем. Наша супруга так юна и неопытна. Остается только положиться на волю судьбы.

— Феромоны капитана Цзяна все еще такие сильные и насыщенные. Думаю, даже через два дня ничего не гарантировано.

Накануне аукциона феромоны, окутывавшие базу, отступили, как морской прилив. Альфы воскликнули:

— Получилось!

Цзян Шаочжи был весь в поту, словно его вытащили из моря. Он натянул полотенце, прислонился к креслу и молча смотрел на маленького Омегу, лежащего на кровати без сознания от истощения.

Хотя маленького Омегу и привели в порядок, он выглядел так, словно его разрушили и собрали заново. Кожа вокруг скул была воспаленной, уголки губ разбиты и даже посинели, сочились кровью, но уже покрылись коркой.

Цзян Шаочжи достал аптечку, опустился на колени на полу и ватной палочкой смазал разбитые губы Тун Цинхэ. Наклонившись, он вдохнул. Феромоны, оставшиеся на кончиках волос Омеги, все еще несли слабый, горьковато-рыбный оттенок. Не считая настоящей метки железы, на теле Тун Цинхэ не осталось ни единого места, которое не было бы помечено Цзян Шаочжи.

Он взял коммуникатор и распорядился, чтобы немедленно сварили специальный травяной отвар для горла и снятия отека.

Альфа, которому перевалило за тридцать, Цзян Шаочжи пережил свое первое завязывание узла.

<http://bllate.org/book/4/70>